

УДК 339.97:369.011.4

ДИНАМИКА ИНДЕКСА ПОТРЕБИТЕЛЬСКИХ ЦЕН В СТРАНАХ ЕАЭС: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И ФАКТОРЫ ВЛИЯНИЯ**Е.А. Марков, Е.Р. Яковлева, Л.Н. Демина, А.А. Миюсова, А.Г. Волкова**

Институт торговли и сферы услуг, Сибирский федеральный университет, Красноярск, email: za31415@yandex.ru

Аннотация. Целью настоящего исследования является анализ динамики индекса потребительских цен (ИПЦ) в странах Евразийского экономического союза (ЕАЭС) за 2015–2024 годы, выявление ключевых факторов, определяющих инфляционные процессы в регионе, и формирование выводов, значимых для макроэкономического регулирования. Исследование основано на сравнительном анализе официальной статистики по ИПЦ в Армении, Беларуси, Казахстане, Кыргызстане и России, с последующим агрегированием данных по ЕАЭС в целом. Применён метод дедуктивного анализа: от изучения интеграционных процессов и глобальных макроэкономических воздействий — к оценке национальных инфляционных траекторий. Результаты исследования показали, что наибольшие инфляционные скачки в странах ЕАЭС приходились на периоды внешнеэкономических кризисов (2015 и 2022 годы), в то время как фазы стабилизации отражали эффективность мер денежно-кредитной и фискальной политики. Особенности инфляционной динамики обусловлены структурой импорта, степенью валютной устойчивости, а также различиями в институциональном и производственном потенциале. Работа имеет практическое значение для формирования координированной антиинфляционной политики в рамках ЕАЭС. Полученные выводы могут быть использованы при разработке стратегий продовольственной и энергетической безопасности, а также при планировании совместных мер по повышению ценовой стабильности на пространстве союза.

Ключевые слова: инфляция, индекс потребительских цен, ЕАЭС, Армения, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан, Россия, макроэкономическая устойчивость.

DYNAMICS OF CONSUMER PRICE INDEX IN THE EAEU COUNTRIES: COMPARATIVE ANALYSIS AND INFLUENCING FACTORS**E.A. Markov, E.R. Yakovleva, L.N. Demina, A.A. Miyusova, A.G. Volkova**

Institute of Trade and Services, Siberian Federal University, Krasnoyarsk, email: za31415@yandex.ru

Abstract. The objective of this study is to analyze the dynamics of the consumer price index (CPI) in the countries of the Eurasian Economic Union (EAEU) for 2015–2024, identify the key factors determining inflation processes in the region, and draw conclusions that are significant for macroeconomic regulation. The study is based on a comparative analysis of official statistics on the CPI in Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan and Russia, with subsequent aggregation of data for the EAEU as a whole. The method of deductive analysis was applied: from the study of integration processes and global macroeconomic impacts to the assessment of national inflation trajectories. The results of the study showed that the largest inflation jumps in the EAEU countries occurred during periods of external economic crises (2015 and 2022), while the stabilization phases reflected the effectiveness of monetary and fiscal policy measures. The features of inflation dynamics are determined by the structure of imports, the degree of currency stability, and differences in institutional and production potential. The work has practical significance for the formation of a coordinated anti-inflation policy within the EAEU. The findings can be used in developing food and energy security strategies, as well as in planning joint measures to improve price stability in the union space.

Keywords: inflation, consumer price index, EAEU, Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Russia, macroeconomic stability.

Дата поступления статьи в редакцию: 27.07.2025

Дата принятия статьи в печать: 05.09.2025

Введение

В условиях устойчивой экономической интеграции стран Евразийского экономического союза (ЕАЭС) анализ инфляционных процессов приобретает ключевое значение для оценки макроэкономической стабильности и выработки скоординированной экономической политики. Индекс потребительских цен (ИПЦ), отражающий изменение стоимости потребительской корзины за определённый

период, служит универсальным индикатором уровня инфляции и позволяет проводить сопоставимый анализ как на национальном, так и на межгосударственном уровне. В рамках ЕАЭС, включающего Армению, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан и Россию, динамика ИПЦ формируется под воздействием как внутренних макроэкономических условий, так и внешних факторов: колебаний валютных курсов, изменений цен на сырьевые товары, санкционного давления, трансграничной логистики и глобальных экономических тенденций.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного понимания инфляционных процессов в странах ЕАЭС как одного из центральных аспектов социально-экономического развития. В то время как национальные правительства стремятся контролировать рост цен через монетарные и фискальные инструменты, различия в структуре экономик, степени импортозависимости и реакциях на внешние шоки приводят к значительной неоднородности в инфляционных траекториях. Кроме того, в условиях турбулентности 2020-2024 годов, вызванной пандемией COVID-19, изменением глобальных логистических цепочек и усилением санкционного давления, устойчивость потребительских рынков стран ЕАЭС подверглась серьёзному испытанию.

Современные исследования инфляции в рамках ЕАЭС, как правило, сосредоточены либо на оценке инфляционных ожиданий, либо на анализе эффективности национальных мер регулирования цен. Однако сопоставительный анализ индекса потребительских цен в разрезе всех стран союза с учётом долгосрочной динамики остаётся недостаточно проработанным, что ограничивает возможности для комплексной оценки эффективности координации экономической политики в ЕАЭС.

Цель исследования

Цель настоящей статьи заключается в проведении сравнительного анализа динамики индекса потребительских цен в государствах ЕАЭС за период 2015-2024 годов с выявлением ключевых факторов, определяющих инфляционные процессы в каждом государстве и в объединении в целом. Задачи исследования включают: анализ и интерпретацию статистических данных по ИПЦ по каждой стране союза; установление причинных связей между наблюдаемыми колебаниями и социально-экономическими, политическими и внешнеторговыми факторами; выявление общих тенденций и расхождений; а также формулировку выводов о потенциальных направлениях экономической политики в контексте инфляционного регулирования на уровне ЕАЭС.

Результаты исследования

ИПЦ по государствам-членам ЕАЭС представлен в таблице 1.

Таблица 1

Индекс потребительских цен стран ЕАЭС (декабрь в % к декабрю предыдущего года) [1]

	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	2022	2023	2024
ЕАЭС	112,4	105,7	103,1	104,3	103,3	105,4	108,6	112,9	107,5	109,0
Армения	99,9	98,9	102,6	101,8	100,7	103,7	107,7	108,3	99,4	101,5
Беларусь	112,0	110,6	104,6	105,6	104,7	107,4	110,0	112,8	105,8	105,2
Казахстан	113,6	108,5	107,1	105,3	105,4	107,5	108,4	120,3	109,8	108,6
Кыргызстан	103,4	99,5	103,7	100,5	103,1	109,7	111,2	114,7	107,3	106,3
Россия	112,9	105,4	102,5	104,3	103,0	104,9	108,4	111,9	107,4	109,5

В течение 2015-2024 годов индекс потребительских цен в Армении демонстрировал относительно умеренную волатильность по сравнению с другими государствами ЕАЭС. Начало рассматриваемого периода характеризуется дефляционными тенденциями: в 2015 году ИПЦ составил 99,9% по отношению к декабрю предыдущего года, а в 2016 году — 98,9%, что отражало снижение общего уровня потребительских цен. Это было обусловлено совокупностью факторов: слабым внутренним спросом, стабилизацией курса армянского драма после девальвационного давления 2014 года, снижением цен на энергоресурсы и ограниченными возможностями для ценовой экспансии со стороны импортеров. Кроме того, сдержанная бюджетная политика и жёсткий денежно-кредитный курс Центрального банка Армении способствовали замедлению инфляции.

С 2017 по 2020 год инфляция оставалась на умеренном уровне: ИПЦ колебался в диапазоне от 100,7% до 103,7%. Это свидетельствует о стабильности ценовой среды и об относительной сбалансированности совокупного спроса и предложения на внутреннем рынке. В этот период наблюдалось посте-

пенное восстановление экономической активности, рост реальных доходов населения и умеренное удорожание импортируемых товаров. Отдельные всплески цен носили преимущественно сезонный или категориальный характер, не оказывая существенного влияния на общий индекс.

Ситуация изменилась в 2021-2022 годах, когда ИПЦ вырос до 107,7% и 108,3% соответственно. Рост цен был спровоцирован повышением мировых цен на продовольствие, удобрения и топливо, а также удорожанием логистических издержек. Кроме того, пандемийные ограничения 2020 года привели к снижению предложения по ряду товарных позиций, что вызвало отложенный инфляционный эффект. Возросла стоимость продовольственных товаров, особенно импортируемых – таких как сахар, растительное масло и мука. При этом девальвационные риски в указанный период оставались ограниченными, что несколько смягчило инфляционное давление.

В 2023 году наблюдалось резкое снижение ИПЦ до 99,4%, что фактически свидетельствует о стагнации цен. Это снижение произошло на фоне замедления роста глобальной экономики, стабилизации внешнеторговых условий и укрепления национальной валюты. Усиление позиций армянского драма в условиях притока капитала из России, увеличения трансфертов и расширения экспорта способствовало удешевлению импортной продукции. Одновременно с этим сдержанная потребительская активность и укрепление фискальной дисциплины снизили внутреннее давление на цены.

В 2024 году инфляция вновь продемонстрировала умеренный рост, достигнув 101,5%. Такая динамика может быть интерпретирована как возвращение к нормальному уровню ценовой коррекции в условиях относительной макроэкономической стабильности. На фоне восстановления глобального товарооборота и роста потребления после пандемийных ограничений, умеренный рост цен в Армении воспринимается как допустимый и управляемый.

Анализ ИПЦ в Армении за 2015-2024 годы позволяет сделать вывод о высокой степени макроэкономической устойчивости, а также о способности национальных институтов обеспечивать эффективный контроль над инфляцией. В отличие от других государств ЕАЭС, где наблюдались более выраженные инфляционные всплески, ценовая динамика в Армении оставалась в допустимых пределах, за исключением ограниченного периода внешнего инфляционного давления.

Инфляционная динамика в Республике Беларусь в период с 2015 по 2024 год характеризуется устойчиво высокими темпами роста потребительских цен, превышающими средние показатели по ЕАЭС. В 2015 году ИПЦ составил 112,0%, что отражает последствия девальвации белорусского рубля в конце 2014 года и слабую устойчивость внутреннего потребительского рынка [2]. Существенное обесценение национальной валюты, вызванное снижением экспортной выручки и ограниченным доступом к иностранному финансированию, привело к удорожанию импортных товаров, составляющих значительную часть потребительской корзины.

В 2016 году темпы инфляции несколько замедлились до 110,6%, однако оставались двузначными. Это было обусловлено как сохраняющимся давлением со стороны валютного рынка, так и ростом регулируемых тарифов в рамках поэтапного отказа от субсидирования ряда отраслей. Постепенное сокращение государственной поддержки в коммунальной сфере и транспортном секторе также способствовало росту внутренних цен [3].

С 2017 по 2019 годы наблюдалась стабилизация ИПЦ: значения составили 104,6%, 105,6% и 104,7% соответственно. Это отражает усилия правительства и Национального банка по переходу к инфляционному таргетированию и усилению денежно-кредитной дисциплины. Тем не менее, сохранялись структурные дисбалансы в экономике – высокий уровень административного вмешательства, недостаточная конкуренция и слабая ценовая эластичность предложения, что ограничивало возможности более эффективного снижения инфляции. Особую роль в поддержании инфляционного давления играли экспортные ограничения и зависимость от поставок энергоресурсов по льготным ценам, что создаёт уязвимость к внешнеполитическим изменениям.

В 2020 году индекс потребительских цен вырос до 107,4% на фоне глобальной экономической нестабильности, вызванной пандемией COVID-19. Закрытие границ, перебои в поставках товаров, а также усиление административного контроля над ценами и валютными операциями способствовали искажению рыночных механизмов, что, в свою очередь, провоцировало рост теневой инфляции. Дополнительным фактором выступили политические события внутри страны, повлекшие отток капитала и рост инфляционных ожиданий среди населения и бизнеса.

В 2021-2022 годах инфляционные процессы усилились: ИПЦ достиг 110,0% и 112,8% соответственно. Повышение цен происходило в условиях международной санкционной изоляции, затруднения логистики и технологического импорта. Ограничение доступа к продукции западных производителей, рост

стоимости поставок из альтернативных источников и зависимость от импорта потребительских и производственных товаров обусловили дальнейшее ускорение инфляции. Кроме того, существенную роль сыграли валютные колебания, обусловленные усилением контроля над курсом и сокращением предложения иностранной валюты.

В 2023 году наблюдалось относительное замедление роста потребительских цен — ИПЦ составил 105,8%. Это объясняется адаптацией экономических агентов к новым условиям, активизацией торговли с партнёрами по ЕАЭС и Китаем, а также усилением мер государственного регулирования цен на базовые товары и услуги. Введение ценовых ограничений, контроль за рентабельностью в торговле и субсидирование производителей базовой продовольственной группы позволили частично сдержать инфляционное давление [4].

По итогам 2024 года ИПЦ снизился до 105,2%, что свидетельствует о сохранении умеренно высокой, но контролируемой инфляции. Экономика Беларуси продолжает функционировать в условиях внешнеэкономической ограниченности и высокой степени государственного участия в ценообразовании, что позволяет управлять инфляцией, но не устраняет её структурные причины. Основными факторами, поддерживающими рост цен, остаются зависимость от импорта, ограниченные валютные резервы, а также уязвимость к изменениям геополитической обстановки.

Анализ инфляционной динамики в Беларуси за 2015–2024 годы демонстрирует устойчивое превышение темпов роста потребительских цен над целевыми уровнями. Несмотря на предпринятые меры макроэкономической стабилизации, инфляция в стране остаётся преимущественно импортируемой и управляется административными методами, что снижает эффективность рыночных механизмов и ограничивает устойчивое снижение инфляционного давления в долгосрочной перспективе.

Динамика индекса потребительских цен в Казахстане за период 2015–2024 годов характеризуется выраженной инфляционной нестабильностью, обусловленной как внутренними макроэкономическими перекосами, так и высокой чувствительностью экономики к внешним воздействиям. В 2015 году ИПЦ составил 113,6%, что отражает последствия перехода к свободному плаванию тенге, осуществлённого в августе того же года. Резкая девальвация национальной валюты — более чем на 40% по отношению к доллару США — привела к масштабному удорожанию импортной продукции, включая продовольствие, бытовую технику, медикаменты и стройматериалы. Валютная либерализация проводилась на фоне падения мировых цен на нефть и снижения экспортной выручки, что усилило инфляционное давление в потребительском секторе.

В 2016 году индекс замедлился до 108,5%, но остался на повышенном уровне. Национальный банк начал переход к инфляционному таргетированию и введению базовой ставки, что позволило частично стабилизировать инфляционные ожидания. Однако высокая долларизация экономики, ограниченность предложения товаров отечественного производства и зависимость от импорта сохраняли инфляционные риски. Кроме того, восстановление потребительского спроса после шоковой девальвации способствовало ускорению роста цен в секторах торговли и услуг.

Период с 2017 по 2019 год характеризуется относительной стабилизацией: ИПЦ составил 107,1%, 105,3% и 105,4% соответственно. Стабильные цены на нефть, восстановление инвестиционной активности и проведение умеренной монетарной политики обеспечили постепенное снижение инфляционного давления. При этом структурные особенности казахстанской экономики — высокая доля импорта продовольственных товаров, недоразвитость транспортной логистики, ограниченные мощности перерабатывающей промышленности — продолжали формировать устойчивую инфляционную составляющую, особенно в сегментах розничной торговли и продовольствия [5]. Умеренное повышение регулируемых тарифов, включая коммунальные услуги и топливо, также оказывало влияние на рост цен.

Ситуация резко изменилась в 2020–2022 годах. В 2020 году ИПЦ вырос до 107,5%, а в 2021 году достиг 108,4%. Основными факторами стали нарушение глобальных логистических цепочек на фоне пандемии COVID-19, рост мировых цен на зерно, мясо, сахар и масла, а также удорожание фрахта [6]. Кроме того, государственные меры по поддержке населения и бизнеса, включая налоговые льготы и прямые выплаты, привели к увеличению совокупного спроса на фоне ограниченного предложения. В 2022 году инфляция ускорилась до рекордных за период 120,3%. Это было обусловлено внешнеполитической нестабильностью в регионе, ростом цен на энергоресурсы и продукты питания, девальвацией тенге, а также психологическими инфляционными ожиданиями, вызванными геополитической напряжённостью. Особую роль сыграло удорожание импорта из России, Китая и стран третьих рынков, что напрямую отразилось на потребительском секторе.

В 2023 году ИПЦ замедлился до 109,8%, а в 2024 г. — до 108,6%. Это указывает на постепенное снижение инфляционного давления, однако темпы роста цен остаются выше целевого уровня, установленного Национальным банком. Стимулирующая бюджетная политика, направленная на поддержку социальной сферы и инвестиции в инфраструктуру, сохраняла давление на внутренний спрос. Одновременно предпринимались усилия по стабилизации валютного рынка, развитию несырьевого экспорта и импортозамещающей промышленности. Однако ограниченная диверсификация экономики и уязвимость к глобальным ценовым изменениям продолжали формировать инфляционные риски.

Анализ ИПЦ в Казахстане за 2015–2024 годы демонстрирует чередование периодов относительной стабильности и резких инфляционных всплесков, обусловленных преимущественно внешними шоками и валютной волатильностью. Несмотря на проводимую политику таргетирования инфляции и реформирование денежно-кредитной системы, сохраняются глубинные структурные факторы, ограничивающие потенциал устойчивого снижения инфляции. В условиях открытости экономики, зависимости от сырьевого экспорта и ограниченности внутреннего производства потребительских товаров инфляция в Казахстане остаётся системной и требует комплексных долгосрочных решений.

В период 2015–2024 годов индекс потребительских цен в Кыргызстане демонстрировал чередование этапов относительной ценовой стабильности и резких инфляционных ускорений, что обусловлено высоким уровнем открытости экономики, зависимостью от импорта, ограниченными производственными мощностями и сильным влиянием внешнеэкономических факторов. В 2015 году ИПЦ составил 103,4%, что соответствовало умеренному уровню инфляции. Рост цен в этот период был связан с удорожанием импортируемых товаров после ослабления рубля, тенге и юаня, поскольку кыргызская экономика существенно зависит от поставок из России, Казахстана и Китая. При этом национальная валюта — сом — также испытала давление, но благодаря валютным интервенциям удалось избежать резкой девальвации и всплеска инфляции.

В 2016 году ИПЦ снизился до 99,5%, что указывает на отсутствие инфляционного давления и даже признаки дефляции в отдельных сегментах. Такая динамика объясняется низкой потребительской активностью на фоне экономической нестабильности в регионе, сдержанным ростом доходов населения и снижением цен на отдельные категории продовольственных товаров. Кроме того, замедление инфляции в этот период отчасти было вызвано стабильной ситуацией на валютном рынке и мягкой бюджетной политикой.

С 2017 по 2019 год ИПЦ находился в диапазоне от 100,5% до 103,7%, что свидетельствует о контролируемом росте цен. Эти показатели отражают умеренное восстановление внутреннего спроса, а также определённые усилия правительства по поддержке отечественного сельского хозяйства и переработки. Тем не менее, сохранявшаяся высокая доля импорта в структуре потребления (в том числе продовольственных и непродовольственных товаров) обуславливала восприимчивость инфляции к колебаниям внешних цен и валютного курса. Рост цен в этот период в основном касался продовольственного сегмента и бытовых услуг.

Резкий рост ИПЦ был зафиксирован в 2020 году — 109,7%. Он совпал с глобальной пандемией COVID-19 и вызванным ею нарушением поставок, закрытием границ, дефицитом товаров первой необходимости и скачком цен на логистику. Наибольшее удорожание зафиксировано в категориях продовольствия, медикаментов и гигиенических средств. При этом в условиях снижения внешней трудовой миграции уменьшились объёмы частных денежных переводов, что усилило нестабильность потребительского спроса и инфляционные ожидания.

В 2021 и 2022 годах инфляция продолжила ускоряться, достигнув 111,2% и 114,7% соответственно — максимальных значений за десятилетие. Основным источником инфляционного давления в эти годы стали внешние ценовые факторы: рост мировых цен на продовольствие, энергоносители, удобрения и стройматериалы, а также девальвационные процессы в соседних странах, откуда поступает значительная доля импорта. Также наблюдался рост стоимости транспортировки через территории сопредельных государств, включая Казахстан, что увеличивало издержки импортеров и транслировалось в розничные цены. Кроме того, нестабильная внутренняя политическая обстановка и недостаточный уровень стратегических продовольственных резервов ограничивали возможности государства по сдерживанию ценовых колебаний [7].

В 2023 году инфляция замедлилась до 107,3%, а в 2024 году — до 106,3%. Это произошло на фоне стабилизации внешнеторговой среды, ослабления мирового ценового давления и нормализации логистических цепочек. Кроме того, укрепление киргизского сома по отношению к рублю и тенге, рост доходов от экспорта золота и частичных валютных поступлений из стран ЕАЭС позволили сгладить цено-

вую динамику. Внутренние антикризисные меры, включая ценовое регулирование на базовые продукты питания, субсидирование отдельных отраслей сельского хозяйства и поддержка малообеспеченных групп населения, также оказали ограниченное сдерживающее влияние.

Инфляционная динамика в Кыргызской Республике в течение 2015–2024 годов демонстрирует высокую зависимость от внешнеэкономической конъюнктуры, валютных колебаний в странах-партнёрах и глобальных ценовых тенденций. При ограниченной производственной базе и слабой инфраструктуре внутренняя экономика не способна самостоятельно сглаживать внешние ценовые импульсы. Устойчивое снижение инфляции в будущем возможно только при реализации комплекса мер, направленных на развитие собственного агропромышленного и перерабатывающего секторов, расширение внутреннего предложения и повышение продовольственной безопасности.

Динамика индекса потребительских цен в Российской Федерации за 2015–2024 годы демонстрирует чередование этапов адаптации к внешним ограничениям, валютной волатильности и внутренних институциональных трансформаций в условиях структурной перестройки экономики. В 2015 году ИПЦ составил 112,9%, отражая последствия девальвации рубля в конце 2014 года, падения мировых цен на нефть, а также введения санкций и контрсанкций. Удорожание импортных товаров, ограничение доступа к иностранному финансированию и значительное ослабление рубля (более чем на 40% к доллару США) стали ключевыми факторами инфляционного давления. Особенно чувствительным оказался сегмент продовольствия, где введённое продовольственное эмбарго стимулировало дефицит и рост цен [8].

В 2016 году ИПЦ снизился до 105,4%, что связано с нормализацией валютного рынка, стабилизацией цен на нефть и мерами, принятыми Центральным банком России по ограничению денежной массы. Жёсткая процентная политика и ориентация на инфляционное таргетирование привели к снижению инфляционных ожиданий и замедлению роста цен. Однако инфляция оставалась выше целевого уровня на фоне сохранявшейся зависимости от импорта и роста издержек у производителей из-за подорожания оборудования и комплектующих.

В период с 2017 по 2019 год инфляция продолжала демонстрировать устойчивое снижение. ИПЦ составил 102,5% в 2017 году, 104,3% в 2018-м и 103,0% в 2019-м. Данные показатели свидетельствуют о результативности политики Банка России, стабилизации курса рубля и восстановлении доверия к финансовой системе. Дополнительным фактором стабилизации стало постепенное расширение внутреннего производства в ряде отраслей в рамках политики импортозамещения, в том числе в пищевой промышленности и АПК. Тем не менее, повышение НДС с 1 января 2019 года с 18% до 20% вызвало кратковременное ускорение инфляции, особенно в первом квартале года [9].

В 2020 году ИПЦ вырос до 104,9% на фоне глобальной пандемии COVID-19. Ограничения в логистике, рост затрат на санитарные меры, снижение объёмов предложения в отдельных секторах и изменения потребительского поведения стали основными источниками инфляционного давления. Государственные меры поддержки экономики — включая субсидирование процентных ставок, расширение социальных выплат и смягчение фискальной политики — поддержали совокупный спрос, но при ограниченном предложении усилили рост цен в розничной торговле.

2021 год ознаменовался ускорением инфляции до 108,4% в условиях восстановления деловой активности и повышения мировых цен на продовольственные и энергетические ресурсы. Существенный рост стоимости логистики, упаковки и сельхозсырья привёл к удорожанию конечной продукции. Увеличение экспортных поставок зерна и масла также спровоцировало рост внутренних цен, несмотря на введённые квоты и экспортные пошлины. В этих условиях российское правительство усилило ценовое регулирование, включая соглашения с торговыми сетями и прямое замораживание цен на отдельные категории продуктов.

В 2022 году ИПЦ увеличился до 111,9%, что стало реакцией на беспрецедентные внешнеэкономические ограничения, включая пакеты санкций ЕС, выход крупных международных компаний и разрыв логистических цепочек. Девальвация рубля в марте 2022 года, временная паника на потребительском рынке и резкий рост цен на импортные товары, особенно в сегментах техники, медикаментов и автозапчастей, обусловили пик инфляции. Одновременно происходил быстрый разворот на восточные рынки, что сопровождалось дополнительными издержками на адаптацию логистики и контрактов.

В 2023 году ИПЦ замедлился до 107,4%. Снижение темпов инфляции объясняется стабилизацией валютного курса, насыщением рынка товарами из дружественных стран, ростом внутреннего производства в условиях санкционной изоляции, а также жёсткой бюджетной и денежно-кредитной политикой. Банк России сохранял повышенную ключевую ставку, что ограничивало кредитование и охлаждало спрос. Кроме того, государство продолжило применение инструментов прямого регулирования цен и тарифов в наиболее чувствительных секторах.

В 2024 году ИПЦ составил 109,5%, что вновь отражает рост инфляционного давления. Это связано с ростом тарифов на электроэнергию и ЖКУ, удорожанием логистики, ослаблением рубля и удлинением производственно-сбытовых цепочек в рамках переориентированной экономики. Также наблюдался рост издержек у производителей в условиях повышенных требований к локализации, технологическому суверенитету и замещению импортных компонентов. Нехватка высокотехнологичного оборудования, рост спроса на внутреннем рынке и продолжающееся давление на трудовые ресурсы стали дополнительными драйверами инфляции.

Инфляционная динамика в России за рассматриваемый период отражает трансформацию экономической модели страны в условиях внешнеполитических вызовов, жёсткой денежно-кредитной политики и целенаправленного снижения зависимости от импорта. Несмотря на постепенную адаптацию и развитие внутренних производств, структурные инфляционные факторы — включая высокую долю регулируемых цен, зависимость от валютных колебаний и глобальной конъюнктуры — продолжают оказывать существенное влияние на индекс потребительских цен.

Анализ совокупной инфляционной динамики в странах ЕАЭС в 2015–2024 годах выявляет как устойчивые макроэкономические закономерности, так и специфику национальных траекторий, обусловленных различиями в экономической структуре, валютной политике и степени зависимости от импорта. Совокупный индекс потребительских цен по ЕАЭС колебался от минимального значения в 103,1% в 2017 году до максимального — 112,9% в 2022 году, отражая реакцию объединённого экономического пространства на внутренние и внешние вызовы, включая валютные колебания, глобальные экономические кризисы и трансформацию торгово-логистических связей.

В 2015 году ИПЦ в ЕАЭС достиг 112,4%, что было прямым следствием валютных кризисов в России и Казахстане, от которых существенно зависит региональная экономика. Масштабная девальвация рубля и тенге, сокращение притока инвестиций и рост издержек на импортированные товары привели к синхронному росту цен в большинстве стран союза. Влияние этих процессов на Армению и Кыргызстан, менее интегрированные в глобальные товарные цепочки, проявилось в меньшей степени, но и они испытывали вторичное инфляционное давление через торговые и трудовые каналы.

Снижение инфляции в 2016–2017 годах (до 105,7% и 103,1% соответственно) стало отражением стабилизации валютных рынков, восстановления цен на нефть и адаптации национальных экономик к новой структуре внешнеторговых потоков. Целенаправленная политика центральных банков по инфляционному таргетированию, сдержанная фискальная политика и меры по стимулированию внутреннего производства способствовали снижению инфляционных ожиданий. В частности, Россия и Казахстан усилили поддержку внутреннего АПК, что отчасти смягчило продовольственное давление на внутреннем рынке.

С 2018 по 2020 год ИПЦ оставался в диапазоне 103,3–105,4%, что соответствовало целевым значениям в большинстве стран. Однако уже в 2020 году инфляционные процессы усилились на фоне пандемии COVID-19. Нарушения логистики, рост себестоимости товаров и обесценивание валют, обусловленное снижением экспортных поступлений и падением потребления, оказали комплексное влияние на весь регион. В условиях ограниченного внутреннего производства и сильной зависимости от импорта (особенно в Кыргызстане и Армении) рост цен принял характер устойчивого.

Ключевым инфляционным импульсом для всего ЕАЭС стал 2022 год, когда совокупный ИПЦ достиг 112,9%. Это связано с санкционным давлением на Россию, которая является основным торговым партнёром всех стран союза. Нарушение логистических маршрутов, изменение поставщиков, рост стоимости импортных товаров, финансовая волатильность и снижение предложения в отдельных секторах привели к ускорению инфляции в каждой стране объединения. Особенно остро ситуация проявилась в Казахстане и Кыргызстане, где доля импорта из РФ крайне высока. Одновременно наблюдался рост внутреннего спроса, вызванный частичным перераспределением логистических потоков в пределах союза, что также повлияло на внутренние цены.

Несмотря на определённое замедление инфляции в 2023–2024 годах (до 107,5% и 109,0% соответственно), она остаётся выше целевых уровней большинства стран. Это отражает сохраняющееся ценовое давление со стороны энергетики, продовольствия, транспортных услуг и строительных материалов. Среди факторов, продолжающих оказывать влияние на ИПЦ, можно выделить: девальвационные процессы в нацвалютах, ограниченность предложения в условиях растущего спроса, логистическую переориентацию внешней торговли, рост регулируемых тарифов и усиливающееся бюджетное стимулирование в отдельных странах.

Сравнительный анализ позволяет выявить и различия. Например, Армения и Беларусь демонстрировали наименьшие инфляционные колебания в 2023 году (99,4% и 105,8%), в то время как Казахстан и Россия — наибольшие. Это связано как с различиями в монетарной политике, так и с уровнем уча-

ствия в глобальной торговле и степенью импортозависимости. Также прослеживается прямая зависимость инфляции от структуры импорта: чем выше доля продуктов питания, топлива и медикаментов в импорте, тем сильнее влияние внешних шоков на ИПЦ.

Инфляционная динамика в ЕАЭС в 2015–2024 годах была обусловлена совокупностью внешнеэкономических и внутренних факторов: от глобальных кризисов до институциональных ограничений и трансформации экономических связей. Для стабилизации инфляции в будущем странам ЕАЭС необходимы координированные усилия в области продовольственной и энергетической безопасности, развитие совместных производственных кластеров, инфраструктурная интеграция и расширение взаимного товарообмена на базе национальных валют.

Выводы

Проведённый анализ динамики индекса потребительских цен в странах ЕАЭС за период 2015–2024 годов позволил выявить как общие инфляционные тенденции, так и значимые различия в национальных траекториях, обусловленные спецификой макроэкономической политики, степенью открытости экономик и структурой потребительского спроса. Совокупный ИПЦ по ЕАЭС характеризуется волнообразной динамикой с пиковыми значениями в кризисные периоды, что отражает высокую чувствительность стран союза к внешнеэкономическим ограничениям, валютным колебаниям и изменениям на глобальных товарных рынках.

Наиболее значительный рост инфляции был зафиксирован в 2015 и 2022 годах, что совпало с острыми фазами внешнеэкономической дестабилизации — валютным кризисом и санкционной изоляцией соответственно. При этом различия в уровне ИПЦ между странами объясняются не только внешними воздействиями, но и качеством институционального управления, гибкостью денежно-кредитной политики, степенью локализации производства и возможностями внутреннего замещения импорта. Россия и Армения демонстрировали относительную устойчивость цен, в то время как Казахстан и Кыргызстан оказались более восприимчивыми к внешним колебаниям из-за высокой зависимости от импортных потоков и меньшего масштаба внутренних рынков.

Практическая значимость настоящего исследования заключается в формировании целостного представления о природе инфляционных процессов в рамках единого экономического пространства. Полученные результаты могут быть использованы при разработке координированной антикризисной и макроэкономической политики в странах ЕАЭС, а также при формировании механизмов устойчивого ценообразования. Для повышения ценовой стабильности на пространстве союза целесообразно укрепление внутрорегионального товарооборота, развитие совместных производств, расширение взаимного доступа к продовольственным и сырьевым ресурсам, а также усиление координации в области монетарной политики. В условиях роста внешних рисков консолидация усилий стран ЕАЭС в управлении инфляцией становится ключевым элементом экономической устойчивости и интеграционного развития.

Литература

1. ЕЭК — Статистика ЕАЭС. // Евразийская экономическая комиссия. [Электронный ресурс]. URL: https://eec.eaeunion.org/comission/departement/dep_stat/union_stat/ (дата обращения: 25.06.2025).
2. Приставко А. Валютный канал монетарной трансмиссии в Республике Беларусь: временной аспект // Банковский вестник. 2021. № 1 (690). С. 29–42.
3. Пальчик Г.В., Волох Н.В., Гасанов А.П. и др. Эволюция систем государственного управления: Республика Беларусь // Государственная служба. 2020. Т. 22. № 3 (125). С. 86–118. DOI: 10.22394/2070-8378-2020-22-3-86-118.
4. Киреенко Н.В., Войтко И.А. Применение стимулирующих субсидий в сельском хозяйстве республики Беларусь как фактор повышения эффективности производства и переработки зерновых культур // Зернобобовые и крупные культуры. 2024. № 3 (51). С. 160–170. DOI: 10.24412/2309-348X-2024-3-160-170.
5. Аргынгазинов А.А. Внешняя торговля Казахстана: современные тенденции и особенности экспорта // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. № 6. С. 23–32. DOI: 10.24412/2072-8042-2021-6-23-32.
6. Казаков С.А. Влияние пандемии на морские грузоперевозки // Архивариус. 2021. Т. 7. № 5 (59). С. 36–37.
7. Назаркулова А.К. Специфика социально-политических трансформаций в Кыргызстане // Бюллетень науки и практики. 2024. Т. 10, № 4. С. 503–510. DOI: 10.33619/2414-2948/101/62.
8. Оболенский В.П. Эффекты продовольственного эмбарго // Российский внешнеэкономический вестник. 2019. № 2. С. 49–58.
9. Мигунова М.И., Елгина Е.А., Демина Л.Н. и др. К вопросу о применении налоговых вычетов по НДС // Экономика и предпринимательство. 2021. № 7 (132). С. 300–303. DOI: 10.34925/EIP.2021.132.7.050.